Челябинскую области приходилось 67,9% всего механического прироста населения Урала за годы войны.

---

1. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941-1945: Краткая история. М., 1970. С. 452.
2. Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 5. С. 55.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 3. С. 64.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. 8 мая. № 40. Ст. 203.
5. Там же.
6. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1944. С. 52-52.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 157. Л. 54.
8. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.
9. Там же. Л. 2.
10. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.
11. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 998. Л. 19.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 998. Л. 47.
13. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 2.
14. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 375. Л. 36.
15. Там же.
16. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 404. Л. 2.
17. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 112. Л. 21-21 об.; Д. 235. Л. 42-42 об.; Д. 297. Л. 36-36 об.; Д. 389. Л. 60-60 об.
18. Во имя победы. Свердловск в годы Великой отечественной войны. 1941 – 1945 гг. Екатеринбург, 2005. С. 50.

Лаврова И.А.
(Сургут)

Трансформация структуры детских учреждений для беспризорников на Урале в 1930-е годы

Распространение такого негативного явления как детская беспризорность и безнадзорность в 1920-30-е годы в советской России содержало в себе угрозу нормальному развитию государства, поскольку способствовало росту преступности, увеличению заболеваний, подрывало нравственные устои общества.

Беспризорность превратилась в острейшую социальную проблему. Беспризорные дети, обитавшие на улицах городов, железнодорожных вокзалах, на рынках, стали ужасной реальностью существования.

В 1920-х – первой половине 1930-х годов в стране была создана и функционировала широкая система детских учреждений для сирот и тех, кто остался без попечения родителей. Эта разветвленная система социального обеспечения детей включала детские дома различных категорий, а также трудовые колонии и трудовые коммуны для трудновоспитуемых детей. Попечением о беспризорных занимались различные ведомства и организации – Наркомпрос, Наркомздрав, НКВД и их местные органы – облоно, облздрав, облсобес, УНКВД по Уральской области, профсоюзные, комсомольские и партийные организации. Основная тяжесть работы приходилась на местные отделы народного образования (ОНО). Огромную работу проводила Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК, функционировавшая с 1921 по 1938 гг. Местные областные детские комиссии тщательно обследовали положение детей, состояние детских домов, яслей, больниц и т.д., а затем информировали об этом местные исполкомы, наблюдали за выполнением законов о детском питании и снабжении, помогали местным отделам народного образования, здравоохранения взять «под защиту» беспризорных детей на вокзалах и поездах, обеспечить их помещением и продовольствием, помогали ОНО в организации распределителей и домов для беспризорных. Детская комиссия при ВЦИК должна была координировать всю работу по оказанию помощи детям, на нее были возложены функции контроля.

Однако на практике часто происходило дублирование. Так, при каждом ОНО были созданы отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), в структуру которых входили стол опеки, детский адресный стол, юридическая консультационная часть и комиссия по делам несовершеннолетних (комонес). Помимо них существовали детские социальные инспекции (ДСИ). Если отделы СПОН больше занимались циркулярной работой и проведением заседаний, то социальные инспекторы проводили облавы на беспризорников, обследовали условия содержания детей в приютах, детских домах, приемниках, несли дежурство в местах скопления беспризорников.

К началу 1930-х годов сложилась система ликвидации

беспризорности, которая включала: 1) выявление беспризорных детей; 2) контроль за беспризорными детьми и неблагополучными семьями; 3) социальная помощь; 4) профилактики беспризорности.

Наряду с помещением беспризорных детей в детские воспитательные учреждения назначалась опека, передача детей на договорных началах в крестьянские семьи, ремесленникам и кустарям, направление подростков на производство; оказание адресной помощи на дому детям, стоящим на грани нищеты и беспризорности, защита прав и интересов детей и подростков, развертывание внешкольной работы по месту жительства при активном содействии пионерских организаций и комсомола.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. на Урале сложились и функционировала разветвленная сетей детских учреждений, имевших целью воспитание полезного члена общества (см. табл. 1). При различных формах организации единым было содержание работы – труд и учеба.

Таблица 1

Сеть детских домов в Уральской области на начало 1931 г. (1)

Тип учреждения	Количество
Школьные детские дома нормального типа	35
Дошкольные детские дома	11
Детские приемники	11
Смешанные детские дома	26
Школьные детские дома для трудных детей	4
Трудовые коммуны для подростков	10
Школы – интернаты для глухонемых	3
Школы – интернаты для слепых	2
Детские дома для умственно-отсталых	3
Детские дома для хроников	1
Лечебные учреждения (изоляторы)	10
Детские городки	11
Детские дома с особым режимом для подростков	11
Всего	138

Детские дома, составлявшие большую часть в сети, были чисто воспитательными учреждениями, где не применялись принудительные меры. Воспитанник мог свободно уйти из детского дома. Детские дома прикреплялись к промышленным предприятиям, к колхозам, совхозам. Они стали одной из баз подготовки кадров для социалистической экономики.

В начале 1930-х годов ряд детских домов попытались передать или слить с колхозами. Чудановский, Бардымский нацменовский, Юргамышский и другие детские дома влились в колхозы со своим имуществом, бюджетом и контингентом воспитанников (2). Однако слабые колхозы не могли справиться с достаточным снабжением воспитанников детских домов и от слияния детских домов с колхозами вскоре пришлось отказаться.

В 1930 г. активно шел процесс типизации детских домов, выделялись детские дома для воспитанников дошкольного и школьного возрастов (в Уральской области их было 11 и 35 соответственно), однако продолжали существовать и смешанные детские дома (их насчитывалось 26). Часть педагогов отдавали предпочтение детским домам смешанного типа, поскольку в жизни все возрасты связаны и смешаны. В таких учреждениях воспитывается ответственность старших по отношению к младшим (забота, уход, шефство), смягчается психологический климат в сторону домашнего воспитания (3).

Вторым типом учреждений были детские дома для физически дефективных и умственно отсталых детей, их в Уральской области насчитывалось 9, кроме того насчитывалось 10 лечебных учреждений – изоляторов.

Третий тип был представлен детскими городками (на Урале их было 11) – это был комплекс разнотипных детских учреждений. Нижнетагильский детский городок был организован в 1922 г. для беспризорных детей, с 1933 г. учреждение стало выполнять функции детского дома особого режима (4). За 40 лет работы сложилась система учебно-воспитательной работы, сердцевиной которой являлось воспитание в труде и для труда. За 1922 – 1962 гг. более чем 2000 воспитанников получили путевку в жизнь.

При детских домах были организованы мастерские, им выделялись земельные участки. Они сыграли значительную роль в 1932-1933 гг., поскольку помогали спасти детей от голода и физической смерти, выполнили важную функцию социализации.

Спасенные дети постепенно возвращались из детских домов в семьи или трудные коллективы.

Четвертым типом детских учреждений были детские дома для трудновоспитуемых подростков, школы-коммуны и детские колонии они занимались воспитанием беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей, только что вставших на путь преступлений.

Специальные детские дома с особым режимом для трудновоспитуемых (в Уральской области – 11) несколько иначе решили форму организации, стремились дать воспитанникам специальность, уверенность в силах, уважение к коллективу. Школы-коммуны представляли своим воспитанникам свободу в такой степени, какая только может быть допущена условиями жизни в интернате. В них уделялось максимум внимания труду воспитанников. Детские трудовые коммуны для несовершеннолетних правонарушителей 12 – 17 лет отличались специфичностью контингента, раздельным воспитанием (мальчиков и девочек) и некоторыми организационными принципами: полное самообслуживание, производственный труд, оплата труда.

В Уральской области функционировали 4 промышленных и 6 сельскохозяйственных коммун. Бродокалманская сельскохозяйственная коммуна “Юные ленинцы” была создана на базе пионерского дома в январе 1930 г. В коммуне находились 170 беспризорников из “челябинских головорезов”. Схема управления детской коммуной была типичной для таких заведений: высшим органом считалось общее собрание коммуны, которое избирало правление и ревизионную комиссию. Обязанности в правлении разделялись следующим образом: председатель правления – общее руководство, ответственный по распределению труда и учета, заведующий мастерскими и производственной частью, ответственный по животноводству, ответственный по птицеводству и вещевому отделу, вожатый пионерского отряда, секретарь ячейки ВЛКСМ, руководитель октябрят и культурной работы, заведующий учебной частью. Хозяйство коммуны было большим. В 1931 г. оно составляло 728 га земли, в т.ч. пашни 620 га (засеяно было 169 га). Были построены скотные дворы для 130 голов крупного рогатого скота, 192 овец, 70 телят, 22 лошадей, 220 кроликов, 150 голов птиц, имелась пасека на 50 ульев. Построили маслозавод, засадили фруктовый сад. Хозяйство было образцовым, в коммуну приезжали учиться с Урала и

районов СССР. Хорошо была поставлена воспитательная работа, работали 8 кружков (текущей политики, кружок колхозных политических читок, военный кружок, спортивно-физкультурный (лыжный, конькобежный), кружок первой помощи, драматический и музыкальный). Коммуна участвовала во Всесоюзном смотре детских домов (5).

В начале 1930-х годов почти все дела о преступлениях несовершеннолетних рассматривались Комонес, которые определяли меры наказания, но не связанные с лишением свободы. Через суды проходили дела о несовершеннолетних правонарушителях-рецидивистах или совершивших тяжкие преступления. Такие несовершеннолетние отправлялись в закрытые воспитательные учреждения системы Наркомата Юстиции РСФСР – трудовые дома. В основу исправления и перевоспитания несовершеннолетних в трудовых домах был положен труд, трудовое воспитание. В 1930 г. труддома были реорганизованы в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В Уральской области к концу 1931 г. были организованы Златоустовская ФЗУ на 306 чел., Верхотурская школа ученичества массовых профессий (ШУМП) на 190 чел., Нижнетуринская колония для рецидивистов на 278 чел. (6).

В эти закрытые воспитательные учреждения помещались несовершеннолетние правонарушители в возрасте от 15 до 18 лет. Воспитательное исправительно-трудовое воздействие состояло в том, что они были сосредоточены в определенных местах; осуществлялось общественно-политическое воспитание; работа была построена на основе повседневного сочетания труда и учебы. Эти заведения были непосредственно связаны с промышленными предприятиями, с трудовыми коллективами. По окончании школы ФЗУ бывшие правонарушители попадали в среду заводских рабочих. Курс обучения ФЗУ устанавливался в 2 – 2,5 года. Помимо занятий в школе подростки ежедневно работали на производстве от 4 до 6 часов.

Верхотурский трудом в 1931 г. был преобразован в Верхотурскую ШУМП, а с 1934 г. стал Верхотурской спецколонией для трудновоспитуемых. В ней были организованы механическая и деревообделочная мастерские, работала школа на 4 группы (класса), школа ликвидации неграмотности и вечерние курсы профессионального образования. Новым методом воспитания была организация детского самоуправления. В Верхотурье она приняла военные формы: рота, взвод. Была налажена полезная кружковая

работа. Гуманным было учреждение патроната над выпущенными воспитанниками. Это было робким начинанием, но очень важной поддержкой для вступавших в жизнь (7).

До 1935 г. несовершеннолетние правонарушители содержались в воспитательно-исправительных учреждениях различных типов: специальных детских домах и школах-коммунах (они находились в ведении ОНО), трудовых домах и школах фабрично-заводского ученичества (находились в системе органов юстиции), в трудовых коммунах и колониях (находились в системе НКВД РСФСР, но в 1930 г. были переданы в Наркомюст РСФСР).

Рост беспризорности и безнадзорности к середине 1930-х годов привел к тому, что имевшаяся система исправительных заведений, а также законодательство о несовершеннолетних не вели к ликвидации беспризорности, детской преступности. К этому времени добавились новые источники появления детей, оставшихся без семьи, попечения родителей – занятость родителей на производстве, материальная необеспеченность многих из них, потеря отца или матери в результате политических репрессий.

В связи с принятием постановления ВЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. “О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних” судебная практика пошла по линии более широкого применения к ним уголовного наказания, особенно лишения свободы. Закон устанавливал уголовную ответственность за определенную категорию преступлений с 12-летнего возраста (8). Упразднялись Комиссии по делам несовершеннолетних, ответственность за своевременное устройство детей, оставшихся без родителей, возлагалось непосредственно на местные органы Советской власти. Одновременно предусматривалась уголовная ответственность взрослых лиц за подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к участию в преступлениях.

Все исправительные учреждения для несовершеннолетних после принятия этого постановления были сосредоточены в НКВД СССР. Согласно положению 1935 г. в трудовых колониях содержались несовершеннолетние преступники в возрасте от 12 до 16 лет и беспризорные в возрасте от 14 до 16. Несовершеннолетние старшего возраста (16 – 18 лет), осужденные к лишению свободы, подлежали направлению в общие места заключения для взрослых преступников. Такая практика продолжалась до 1948 г.

Для руководства трудовыми колониями в системе НКВД СССР в

1935 г. был создан отдел трудовых колоний. Деятельность детских приемников-распределителей, детских воспитательных и трудовых колоний регламентировалась Положением о них, которое утверждалось НКВД СССР. Так была создана система управления воспитательно-трудовыми колониями для несовершеннолетних, которая существовала практически в неизменном виде до начала 1990-х годов.

В середине 1930-х годов с окончательным утверждением в стране сталинского режима многообразие различных видов детских учреждений исчезло и было заменено унифицированной системой домов ребенка, детских домов и школ-интернатов, которая существовала на протяжении всего советского периода.

Детский дом как одна из форм государственного попечения о детях был признан лучшим типом воспитательно-образовательного учреждения, наиболее отвечающим требованиям коммунистического воспитания детей того времени, нуждающихся в помощи государства.

На основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. “О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности” (9) была проведена реорганизация сети детских учреждений. В Свердловской области к марту 1936 г. в системе ОблОНО осталось 20 смешанных детских домов, 17 – школьных и 5 - дошкольных; в систему Облздравотдела было передано 5 детских домов (Невьянский и Туринский для трахоматозных больных, Сысерсткий – для больных костно-железистым туберкулезом, Пермский – для кожнобольных и Верхотурский – для венериков); в систему Облсобеса передали два детских дома (Режевский детский дом для глубоко умственноотсталых и Ирбитский – для физических калек); в систему НКВД СССР передали 14 детских приемников и 1 трудколонию (10).

Реорганизация сети детских учреждений в середине 1930-х годов осуществлялось введением жестких и карательных мер для решительной ликвидации беспризорности, однако они не подрывали истинных корней детской беспризорности. Созданная система – детские дома и детские колонии вовсе не были райскими уголками, но они все же дали возможность подавляющей части детей вернуться к нормальной жизни.

---

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1378. Л. 289.
2. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 1378. Л. 465 – 466.
3. Беляков В.В. Сиротские детские учреждения России. М., 1993. С. 17.

4. Детский городок в Нижнем Тагиле. М., 1963. С. 4, 5.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 536. Л. 52 – 77; Уральский рабочий. 1931. 20 ноября.
6. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 603. Л. 136.
7. ГАСО. Ф. р-245. Оп. 1. Д. 1239. Л. 198; Ф. р-233. Оп. 1. Д. 1379. Л. 56.
8. Собрание законодательства СССР. 1935. № 19, ст. 155.
9. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 – 1937 гг.). М., 1938. С. 351 – 352.
10. ГАСО. Ф. р-321. Оп. 1. Д. 66. Л. 173 – 175.

Лазарева Е.В.
(Екатеринбург)

Проблема зависимости России от иностранного капитала в работах советских историков 1920-х – 50-х гг.

В историко-экономических исследованиях 1920-х гг. проблема иностранного капитала занимала одно из ведущих мест. Она обсуждалась в связи с начавшейся разработкой советскими авторами истории монополизации российского народного хозяйства.

После «великого перелома» 1929 г. в СССР начались серьезные изменения, направленные на установление авторитарного режима и затронувшие все сферы жизни страны, идеологическую в том числе. Поскольку с конца 1930-х – до середины 1950-х гг. была определяющей трактовка исторических событий, изложенная в «Кратком курсе истории ВКП(б)», выдвинутый в нем тезис о полуколониальной зависимости России от иностранного капитала исключил научный подход к данной проблеме. В учебниках и агитационно-пропагандистской литературе роль иностранного капитала стала сводиться к подчинению российской экономики западным державам и закабалению страны. Причем главная ответственность за это возлагалась на прямые иностранные инвестиции в промышленность и банки России.

В первых советских исторических публикациях тема зависимости России от иностранного капитала находилась в центре внимания. Именно она вызвала несколько дискуссий и претерпела наиболее существенную эволюцию в оценках историков разных периодов советской эпохи.

В 1920-х гг. в советском государстве, с одной стороны, проводилась